

20 лет спустя

Кто из нас не читал увлекательное продолжение знаменитого романа Дюма "Три мушкетера"?

В 20 лет плюс-минус трамвайная остановка мы вступаем во взрослую жизнь, а появляющиеся вследствие этого наши дети – в жизнь земную... Новое поколение.

Лекарство от яда лишь дозой разнится,
Истина с ложью к себе отношением,
Разум с безумием, тем, что нам снится,
Жизнь со смертью – одним поколением.

Киноповесть "День гражданских дел" была написана в судьбоносном 85 году, когда мы безуспешно еще продолжали строить коммунизм в отдельно взятой стране и не догадывались, что скоро нам разрешат строить его в отдельно взятых семьях.

Мы только похоронили трех безвременно ушедших от нас генеральных секретарей и с интересом слушали следующего, путая акценты и падежи, правда, без бумажки, говорил про укрепление трудовой дисциплины и борьбу с алкоголизмом путем вырубki виноградников.

Но жизнь шла. Не благодаря и не вопреки решениям партии и правительства, а потому что стоять на месте она не может по определению.

О проявлениях этой формы существования материи и написано это произведение, так и не ставшее кинофильмом, но, как мне кажется, интересное и сегодняшнему читателю.

Автор благодарен редакции альманаха, которой показалось то же самое, и Юрию Даниловичу Латушкину за содействие в появлении "Дня гражданских дел" на свет.

Александр МАРДАНЫ

День гражданских дел

Летний день. Оживленная улица большого города: сигналы, проносятся автомобили, торопятся прохожие...
Мы идем вслед за стройной молодой женщиной. Многие из встречных прохожих разного возраста, и мужчины, и женщины, оглядываются на нее, и непонятно, чем же она привлекает их внимание...
Мы продолжаем свой путь по городу... На экране возникают титры...
Звучит песня на стихотворение М. Цветаевой "Мой день беспутен и нелеп...":

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продаваю — луч,
Грабителью вручаю — ключ,
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья —
Над днем без славы и без толку.

("Избранные произведения", Минск, 1984, с. 79)

Солнечное летнее утро. Кухня типовой малогабаритной квартиры: веселые занавески на окнах, яркий керамический сервиз, стоящий на подвесной полочке. На дверце подвешенного кухонного шкафа наклеена табличка "Не влезай — убьет" с черепом и костями.
Из радиоточки доносятся слова уже слышанной нами песни.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС: Ма, а Бармалей в Африке еще живет?

Дверца шкафа раскрывается с противным скрежетом. Женская рука ее резко захлопывает.

ГОЛОС НИНЫ: Ешь!

На кухне завтракает семья: четырехлетняя Машенька, ее отец Николай — энергичный обаятельный мужчина лет тридцати пяти, ее мать Нина — тридцатилетняя милостивая женщина.
Взрослые молчат, как молчат недавно поссорившиеся люди.

МАШЕНЬКА: Ма, а кто меня сегодня заберет из садика?

Взрослые молчат.

МАШЕНЬКА: Ма, ну кто?

Николай и Нина молчат. Музыка сменяет голос диктора:
— В гостях у нашей передачи советские специалисты-строители, только что вернувшиеся из Алжира. Среди них — главный инженер стройки...

Николай вслушивается, Нина выключает точку и демонстративно выходит из кухни, Николай снова включает точку:

— Опыт, который я приобрел на стройках Средней Азии, очень пригодился мне в африканских условиях...

Нина возвращается и опять резко выключает точку. Николай, чертыхнувшись про себя, уходит в комнату. Машенька с недоумением наблюдает за странными действиями родителей.

НИНА: Доедай быстрее, в садик опоздаешь.

Теперь мы в комнате. На ее стенах — несколько картин, в том числе копии произведений Гогена. Особняком висит копия картины Ф. Леже "Связка ключей". Центральное место на стене занимает портрет пожилого изможденного человека с седыми зачесанными назад волосами.

По композиции и цветовому решению портрет очень похож на известную картину Гогена "Портрет художника (на Голгофе)".

Николай кладет в портфель "дипломат" бумаги. В комнату входит Нина с Машенькой. Машенька готова к выходу из дому. Николай щелкает замком "дипломата", берет Машеньку за руку. В дверях он останавливается.

НИКОЛАЙ: Нина, мы вечером погорячились, оба. Сегодня вопрос решается окончательно. Если вчера ты говорила серьезно, то я должен сегодня об этом сообщить... и все летит к черту... Словом, да — да, нет — нет, — ответ я должен дать сегодня и, так получается, решать тебе...

Нина молча смотрит на портрет седого мужчины. Не сдержавшись, Николай резко говорит:

— Ну что ты на него уставилась?

Нина молчит. Николай садится на диван рядом с ней.

НИКОЛАЙ: Прости...

Они молчат.

НИКОЛАЙ: Нина, твой отец умер три года назад. Я понимаю, он был замечательный человек и выдающийся художник, но ты не сможешь жить всю жизнь с оглядкой на него... Нельзя мерить всех по его мерке!

Машенька подходит к Нине, садится рядом с ней и тоже смотрит на портрет.

МАШЕНЬКА: Мама, мне кажется, что дедушка на нас сегодня сердится.

Нина не выдерживает:

— Коля, уйди... Ну, пожалуйста... Я хочу побыть одна.

Николай и Машенька уходят. В дверях Николай говорит:

— Я позвоню. Ты слышишь?..

Нина сидит перед портретом отца. Хлопает дверь. Нина вспоминает... ..Хлопает дверь, Нина и Николай заходят в мастерскую ее отца. Это — светлая, давно не ремонтировавшаяся и беспорядочно обставленная комната. Большое зеркало задрапировано черной материей. В центре комнаты — пустой стол, покрытый красной тканью, на столе — уже знакомый нам автопортрет отца. Угол портрета перечеркнут полоской траурной ленты. Нина — в черном платье, Николай — в темно-сером костюме, строгом черном галстуке. Нина подходит к единственному в комнате креслу, берет лежащий на подлокотнике плед и, не решившись сесть в кресло, опускается на стоящую рядом скамеечку. Николай подходит к подоконнику, бесцельно передвигает стоящие на нем банки с кистями. Нина и Николай молчат.

Слышно, как падают в таз капли воды из висящего на стене рукомойника.

Николай подходит к зеркалу, сдвигает в сторону черную ткань, поправляет рукой волосы.

В зеркале его взгляд встречается с непонимающим, почти испуганным взглядом Нины.

НИНА: Ты что, уходишь?

НИКОЛАЙ: Нина, я понимаю, правильнее было бы сейчас побыть с тобой, но в три я должен быть на работе...

НИНА: Ты что, сегодня оставишь меня одну?

НИКОЛАЙ: Ниночка, прости... Сегодня семинар, мне обязательно нужно там быть...

НИНА: Но ведь можно позвонить, сказать, что мой отец, что похороны...

Вода из рукомойника капает все реже и, наконец, перестает капать вовсе.

Нина подходит к Николаю:

— Останься, Коля.

Николай обнимает ее, какое-то время они молчат.

НИКОЛАЙ: Ниночка, дорогая, ты прости, но — мне нужно там быть. Я вернусь к шести. "Работа прежде всего", (смотрит на автопортрет) — так ведь говорил Андрей Алексеевич...

Нина отстраняется, отходит в сторону. Снова тягостное молчание.

Николай украдкой смотрит на часы.

НИНА: Иди, Коля, я хочу побыть одна.

Она подходит к рукомойнику, наполняет его водой из стоящего рядом кувшина.

Снова размеренно, как метроном, стучат капли.

НИКОЛАЙ: Так я вернусь в шесть?

Нина молчит. Она смотрит на портрет. Хлопает дверь.

* * *

Нина, задумавшись, сидит в своей комнате перед автопортретом отца. Она встает, машинально подбирает лежащую на стуле рубашу Николая, направляется к шкафу, чтобы повесить ее на место. Вешает рубашу на плечики, потом ласково, нежно проводит пальцами по воротнику...

Склонив голову, прижимает рубашу к щеке...

Улица. Нина останавливает пустое такси и садится рядом с шофером.
Это — грузный разбитной сорокалетний мужчина.

НИНА: Здравствуйте. В суд...

Машина трогается с места.

ТАКСИСТ: Что, разводиться едете?

НИНА: Почему вы так решили?

ТАКСИСТ: Потому что нервничаете. Нет чтоб сказать, где этот суд, куда ехать.

НИНА: Львовская угол проспекта Мира.

ТАКСИСТ: Другое дело. Не переживайте, решили развестись — разведетесь.

НИНА: В том-то и дело, что еще не решила.

ТАКСИСТ: Конечно, вдвоем веселее. Но и сложнее. Вот меня один приятель замучил перед восьмым марта: достань ему два одинаковых флакона французских духов. Это перед восьмым, и чтоб обязательно одинаковых. Я спрашиваю: зачем одинаковые? А он говорит: один же-не, другой любовнице, и чтоб по запаху не догадывались.

Таксист с удовольствием смеется собственной шутке. Нина смотрит на проносящиеся мимо автомобили, тротуар, заполненный спешащими куда-то людьми...

В кабине раздается голос радиодиспетчера:

— "Рубинчики", "Рубинчики", кто в районе вокзала?

НИНА: А вы никогда не были женаты?

ТАКСИСТ: Конечно нет. Брак — это сплошные уступки. Сначала она захочет одно, потом — другое, а потом ты видишь, что от тебя осталась только тень, которую ты отбрасываешь на диван от телевизора. Конечно, если бы такая женщина, как вы...

Такси резко тормозит у перекрестка.

ТАКСИСТ: Как это в песне: "Брак устарел, говорит кое-кто, смеясь..."

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА: Седьмой, седьмой, я первая...

Таксист отвечает в трубку радиотелефона:

— Слушаю вас, первая...

ДИСПЕТЧЕР: Только что звонила ваша жена, просила заехать за детьми в садик. У нее сегодня собрание.

— Спасибо, — сухо отвечает таксист.

Нина, пряча улыбку, отворачивается.

* * *

Нина выходит из такси. Взглянув на висащую на фасаде двухэтажного здания вывеску "Народный суд Центрального района", она входит в подъезд, поднимается на второй этаж, проходит мимо сидящих на скамейках людей и заходит в приемную. Секретарь суда, приветливая девушка с пышными светлыми волосами, говорит по телефону.

Рядом с ней адвокат — пожилой жизнерадостный мужчина.

СЕКРЕТАРЬ (по телефону): Ваше дело назначено на следующую пятницу... Нет, Василий Григорьевич сейчас занят, перезвоните после обеда.

Кладет трубку, улыбается Нине.

НИНА: Здравствуйте, я не опоздала?

СЕКРЕТАРЬ: Как раз вовремя... Да, вам только что муж звонил, просил перезвонить.

Секретарь снимает трубку внутреннего телефона и, подмигнув Нине, поправляющей перед зеркалом прическу, весело рапортует:

— Василий Григорьевич, Нина Андреевна уже давно здесь.

НИНА (секретарю): Лиля, мне сегодня к часу дня нужно быть на работе. Может, вызовете другого заседателя?

СЕКРЕТАРЬ: Ну что вы, Нина Андреевна, сейчас уже будем начинать. Успеете. Сегодня быстро: день гражданских дел. Развод, развод, развод, признание недееспособным, развод... (Перекладывает лежащие на столе папки.) Успеете. (Адвокату): А дальше что, Аркадий Павлович?

АДВОКАТ (Нине): Я тут Лилечке одно давнее дело пересказывал. На коммунальной кухне соседка соседку горячей сковородой по мягкому месту... (Лиле): Ну, что дальше? Идет суд, потерпевшая рассказывает обстоятельства ссоры, разнервничалась... Потом вдруг говорит: "Товарищи судьи, вы посмотрите, что она сделала!". И, представьте, показывает!.. Зал ахнул, а судья с чувством юмора был, не растерялся: "Спасибо, — говорит, — суду ясно, покажите прокурору".

Из кабинета выходит судья Василий Григорьевич — представительный мужчина лет сорока пяти. Следом за ним, держа в руках тома "Кодекса", выходит второй народный заседатель, неторопливый, основательный пятидесятилетний мужчина. Оба приветливо здороваются с Ниной.

СУДЬЯ: Пойдемте, товарищи. (Нине): Нина Андреевна, вам Лиля передала, что муж звонил?

— Да, да, спасибо, — отвечает Нина, выходя в коридор.

* * *

Звучит традиционное "Встать, суд идет": судья, секретарь и народные заседатели входят в зал суда. Неширокий проход между рядами деревянных кресел ведет к возвышению, на котором стоит стол. За ним располагаются судья и народные заседатели. За их спинами — дверь в совещательную комнату. Слева от судьи — невысокий деревянный барьер, огораживающий пустую скамью подсудимых, справа — столик, за который усаживается секретарь.

В зале несколько больших окон, выходящих на оживленную городскую улицу.

Судья раскладывает бумаги и окидывает взглядом почти пустой зал. Лишь три последних ряда справа от прохода заняты многочисленным семейством Филимоновых.

Вздохнув, судья негромко говорит Нине:

— Процесс века: Филимонов против Филимоновой, — а затем уже громко обращается к, как видно, хорошо знакомым ему Филимоновым: — Суд рассматривать дело о разводе с разделом имущества без ответчицы не будет.

Ему возражает нервная суетливая женщина средних лет:

— Да она специально не приходит, сейчас модно быть замужем!

Ее поддерживает тощая дама примерно такого же возраста:

— Мы все и так уже третий раз приходим!

СУДЬЯ: А я вас, кстати, еще ни разу не вызывал. Как вас всех, интересно, с работы отпускают? И почему истец молчит?

Только сейчас мы замечаем "истца" Генку Филимонова — модно одетого откормленного молодого человека лет двадцати. В отличие от своих родственников

Генка не проявляет ни малейших признаков беспокойства.

Нервная дама, мать Генки, поясняет:

— Вот так он и молчал полтора года, пока на него, простите, гадили...

Генка смущенно смотрит на судей.

СУДЬЯ: Тем не менее, я это дело без ответчицы рассматривать не буду. Освободите зал и попросите зайти следующих.

Близкие и дальние родственники истца отступают в коридор.

Воспользовавшись образовавшейся паузой, судья начинает что-то писать.

Нина смотрит в окно на качающуюся верхушку дерева... Она вспоминает...

* * *

Мастерская отца. На стене — автопортрет отца, тот самый, который висит теперь в квартире Нины и Николая. За стоящим в центре столом, сдвинув в сторону обычные для мастерской художника аксессуары, сидят Нина, ее отец и Николай. Перед ними — закуска, бутылка вина. Видно, что всем троим хорошо, весело и просто друг с другом.

На столе — вазочка с небольшим букетиком ландышей.

Отец сидит в кресле, ноги прикрыты пледом. Улыбаясь, он сдвигает в сторону тарелки и рюмки. Мужчины поудобнее устраивают локти на столе, берут друг друга за кисти рук. Довольно быстро тыльная сторона ладони Николая оказывается плотно прижатой к столешнице. Все трое смеются, но Николай немного смущен. Нина берет из вазочки букетик, сквозь цветы смотрит на Николая. Он усаживается поуютнее, состояние возобновляется, но снова рука Николая оказывается прижатой к столу.

Нина шуточно утешает побежденного и преподносит победителю букетик ландышей.

* * *

Перед судом молодая пара. Он — широкоплечий спортивный парень, она — небольшого роста, худенькая, выглядит особенно трогательно и беззащитно рядом с мужем.

СУДЬЯ: А, Кравченко... Ну что, молодые люди, еще не передумали разводиться?

Она молчит. Муж пожимает плечами.

СУДЬЯ: Ну ладно. Слушается дело о разводе гражданина Кравченко Сергея Ивановича с гражданкой Кравченко Еленой Николаевной...

* * *

В пустой приемной суда звонит телефон... Николай с телефонной трубкой в руке вслушивается в длинные гудки, потом с досадой кладет трубку на рычаг, раздраженно барабанит пальцами по столу...

* * *

Судья задает вопросы Сергею.

СУДЬЯ: Почему вы хотите развестись?

СЕРГЕЙ: У нас психологическая несовместимость.

Нина придвигает к себе листок бумаги, берет фломастер, задумчиво проводит несколько линий. Потом уверенными штрихами рисует шарж на стоящего перед судом Сергея Кравченко.

Несмотря на то, что Нина внимательно прислушивается ко всем обстоятельствам дела и рисует не задумываясь, машинально, рисунок выходит ярким, мастерским.

СУДЬЯ: Это вы где, в школе, выучились? Вы сколько времени встречались?

СЕРГЕЙ: Ну, до армии еще, потом переписывались, потом год после...

СУДЬЯ: Так для того чтобы выявить эту несовместимость, нужно было жениться, родить ребенка?..

Трое судей, стенографирующий секретарь, посторонние люди, пришедшие в зал суда — все

это не располагает к откровенности, к пересказу того, что приводит людей из двorca бракосочетаний в зал судебных заседаний...

СУДЬЯ: Так все же, Кравченко, в чем основная причина развода?

Сергей молчит.

СУДЬЯ: Смелее, Кравченко, смелее...

СЕРГЕЙ: Значит... Значит... Ну не так у нас с Леной все как-то стало... Понимаете?

СУДЬЯ (едва заметно улыбается): Нет, не понимаю.

СЕРГЕЙ: Да что там... Приходишь, значит, со стройки усталый, в доме бардак...

СУДЬЯ: Кравченко!

СЕРГЕЙ: Виноват, беспорядок, а она с подружками моды обсуждает. Почему, значит, спрашиваю, обеда нет? А она — настроения, говорит, готовить не было...

СУДЬЯ: И так бывает. Вот у вас (обращаясь к Нине), у вас всегда бывает настроение обед готовить?

НИНА (улыбаясь): Не всегда.

СУДЬЯ (Сергею): Вот видите... А сами вы жене по дому помогаете?

СЕРГЕЙ: Когда ж мне ей помогать? За день кельмой намахаешься... А если самое главное — она меня не уважает. Задается своим без пяти минут высшим. И книг я тех, что надо, не прочел, и друзья у меня грубые и неинтересные... Потом, теща у меня, значит, с тремя языками... Переводчик... У той вообще другой темы нет, кроме как когда я буду в институт поступать. А я не собираюсь! А Ленке стыдно перед подружками: те "Неккерман" и "Бурду" в подлиннике читают, а ее муж рабочий, в грязном ходит... И теща эта!.. Не могу я по тещиной указке жить! Я хозяином в доме хочу быть, а не приймаком. А Ленка скажет что — и на мать смотрит: одобрит, значит, или нет... Я рабочий, я их кормлю, я в плохой месяц триста домой приношу, а Ленка все на мать, значит, оглядывается, как школьница... А, да что говорить...

Короткую паузу прерывает вопрос судьи:

— Так что, Кравченко, у вас все?

СЕРГЕЙ: У меня все...

СУДЬЯ: Гражданка Кравченко, вы работаете в Доме пионеров?

ЛЕНА: Да, и занимаюсь на заочном, в инязе.

СУДЬЯ: Почему вы подали заявление на развод?

ЛЕНА: Он подал, и я подала.

СУДЬЯ: Это, конечно, довод серьезный. И все же, в чем причина развода?

ЛЕНА: Когда ребенок родился, он почти ничем не помогал. Мы тогда у его родителей жили, так все они в один голос: бросай институт, ребенок в садик пойдет, тогда восстановишься... Потом жили у моей мамы, там он тоже ничего делать не хотел: "Я работаю руками, а не языком, мне нужен отдых". Правильно мама говорит: не знает, с какой стороны коляску катить... А мама днем с ребенком сидит, а вечером переводит... Это он неправду говорит, будто я стыжусь, что он рабочий. Но за год можно книжку в руки взять, а он приходит, вечно этот запах пива, и поскорее на диван...

СЕРГЕЙ: А что, мне с вами на кухне толкаться?..

СУДЬЯ: Скромнее, Кравченко, скромнее...

ЛЕНА: Потом, он в девять часов уже хочет спать, а я сова, я поздно засыпаю и поздно встаю...

СЕРГЕЙ: Да я устаю, как собака. Весь последний месяц в восемь с работы приходил... (Лене): Аврал был, детсад сдавали, я же тебе рассказывал.

ЛЕНА: Рассказывал...

Нина продолжает рисовать. Теперь она изображает Лену Кравченко. На Лене распашонка, во рту у нее — соска-пустышка.

ЛЕНА (судьям): А он... Цветов никогда не подарит, в кино не приглашит... А раньше дарил...

СУДЬЯ (Сергею): А почему вы на своей супруге женились?

СЕРГЕЙ: Любил... Она, значит, девчонка неплохая. Пока квартиру снимали, вроде ничего было, а как стали у ее матери жить — все наперекосяк пошло.

СУДЬЯ: Любил... А сейчас что?

СЕРГЕЙ: Да и сейчас вроде... Только обидно мне: никогда ни обеда не даст сама, ни испечет чего. Чай, значит, вечером сядем пить, так обязательно тут же ее мамочка крутится.

СУДЬЯ: А вы, гражданка Кравченко, почему вы замуж вышли?

ЛЕНА: Так любила. Он парень неплохой, добрый. Но что же, если я женщина, так и должна пропадать на этой кухне?

СУДЬЯ: А сейчас вы вместе живете?

Гражданка Кравченко заметно смущена двусмысленностью вопроса.

ЛЕНА: Вместе.

СУДЬЯ: Ну и как вы теперь к супругу относитесь?

ЛЕНА (тихо): Хорошо отношусь.

СУДЬЯ: Так что же вы просите у суда?

ЛЕНА: Я ничего не прошу.

СУДЬЯ: Гражданин Кравченко, вы настаиваете на разводе?

СЕРГЕЙ: Если она не изменится, то настаиваю.

Судья коротко советуется с народными заседателями. Те, соглашаясь, кивают.

СУДЬЯ: Шесть месяцев на примирение — это я вам как судья говорю. А как ровесник ваших родителей — идите, ребята, и чтоб я вас здесь больше не видел. Все!

ЛЕНА: Спасибо!

Нина заканчивает рисунок. Теперь на нем изображена Лена, сидящая в детской коляске, и Сергей, который катит коляску "не с той стороны".

Задумавшись, Нина смотрит на рисунок. Она вспоминает...

* * *

Ночь. Комната в квартире Нины и Николая освещена лишь настольной лампой, затененной пленкой. Нина стоит у Машенькиной кровати. Машеньке годик, она спит, раскинув ручки, яростно терзая пустышку. Нина идет на кухню, где Николай сосредоточенно печатает на машинке. Нина зовет его. Они подходят к кровати, смотрят на спящую дочку. Николай целует Нину в щеку и делает попытку снова вернуться к машинке. Нина не отпускает его, укачивает на часы: уже половина второго. Николай уступает, нежно обнимает Нину...

* * *

Теперь в зале суда по разные стороны от прохода расположились родственники Генки Филимонова и его супруги, гражданки Филимоновой — синеглазой медлительной молодой женщины, округлостью форм похожей на своего мужа. Семейные группировки усилены адвокатами. "Процесс века" уже начался. Судья продолжает задавать вопросы истцу.

СУДЬЯ: Объясните суду, в чем причина развода?

На Генкином лице отражается напряженная работа мысли.

ГЕНКА: Причин много... Попрекала, что я малооплачиваемый, хотела увезти меня на заработки на Север...

Нина рисует. На листе бумаги возникает карикатура на Генку Филимонова: он изображен унылым-преунылым поросеночком.

СУДЬЯ: Ясно. На что вы претендуете из совместного имущества?

Генка мучительно старается вспомнить полученные дома инструкции. Это мыслительное усилие его окончательно надламывает, и он оборачивается к родным за помощью.

- Ваза, ваза, — трагическим шепотом подсказывает мать.
- Ковер, — суфлирует тощая тетка.
- Книжка, книжка — 300 рублей, — чревоещает отец.

В бой вступает лысый, бородатый и очень уверенный в себе адвокат истца.

— Товарищи судьи, у парня стресс! Разрешите ему со списка.

Судьи не возражают. Генка начинает монотонно читать:

— Ваза хрустальная — девяносто рублей, ковер арабский со сценами из "Тысячи и одной ночи" — тысяча рублей, зеркало в оправе...

Нина вновь смотрит в окно, на виднеющуюся из-за крыши противоположного дома кирпичную трубу котельной. Труба походит на одинокую ладью, стоящую на шахматном поле...
Нина дорисовывает рядом с Генкой его супругу — пухленькую свинку с большими серьгами в ушах и кокетливо закрученным хвостиком...

К действительности Нину возвращает зычный голос Генкиной тещи:

— Так, чтоб ты знал, что гарнитур стоил не 1300, а 1180!
Генка закончил чтение списка.

— Это все? — спрашивает истца судья.

— Да, — с облегчением произносит Генка.

Нина рисует. Между Генкой и его женой возникает большущий комод, который супруги Филимоновы перепиливают надвое огромной пилой...

СУДЬЯ: Истец, садитесь.

Теперь судья обращается к Генкиной супруге:

— Гражданка Филимонова, в чем, по-вашему, причина развода?

ФИЛИМОНОВА (краснея): У меня интимная причина... (замолкает).

СУДЬЯ: Вы на меня так смотрите, будто это я вас привел сюда, потому что мне интересна ваша интимная причина. Говорите!

ФИЛИМОНОВА: Я его интересовала только как жилплощадь! Это был фиктивный брак!

ТЕЩА ФИЛИМОНОВА (с места): Он женился на ней по расчету своей мамочки!

ТЕТКА ФИЛИМОНОВА (тоже с места): Обокрали мальчика и еще издеваются!

СУДЬЯ: Предупреждаю в последний раз: еще раз кто-нибудь нарушит порядок — удалю из зала! (Обращаясь к Филимоновой): Что вы можете сказать касательно раздела имущества?

ФИЛИМОНОВА: Прежде всего, один раздел уже был. Он приехал на машине, брал все, что хотел, все, что хотел... Соседи видели!.. Что касается списка, который он читал, там есть неточности, но я ему все отдам, все выплачу, кроме гарнитура, он не мой, он отчима!

СУДЬЯ: Истец...

Так и не привыкший за свою разводную практику к такому обращению, Генка с опозданием поднимается.

СУДЬЯ: Истец, так что вы хотите из совместного имущества?

Генка растерянно молчит.

ПАПА ФИЛИМОНОВА: Гарнитур!

ГЕНКА: Гарнитур!

СУДЬЯ: А может, компенсацию?

ГЕНКА: Да, компенсацию!

СУДЬЯ: Так что же именно?

Генка молчит.

По ходу "процесса века" Нина дорисовывает все новых и новых родственников Филимоновых. Цепляясь, друг за друга, как персонажи сказки про репку, они помогают молодым распиливать комод.

Нина вспоминает...

* * *

Кухня. Нина готовит еду. На ней передник, волосы повязаны косынкой. Старательно неся перед собой большой торт, на кухню заходит двухлетняя Машенька. За ней идет Николай. Он только что вошел в дом, даже не успел снять плащ. На лице Николая нескрываемая радость. Нина удивлена: по какому поводу торт? Николай с деланной небрежностью достает из кармана коричневую книжицу с золотым тиснением "Диплом кандидата наук".

Нина обнимает Николая. Машенька пытается поставить торт на стол, оступается и бухается личиком в крем. Встав, Машенька поднимает рев.

Нина и Николай смеются, становятся на колени, целуют ее, слизывают крем...

* * *

Допрос Филимоновой ведет адвокат истца.

АДВОКАТ: Сколько человек было на свадьбе?

ФИЛИМОНОВА: Девяносто.

АДВОКАТ: По нашим сведениям — сто двадцать! Ну, ладно. И сколько вам подарили?

ФИЛИМОНОВА: Около полутора тысяч.

АДВОКАТ: Вы хотите сказать, что сто человек подарили всего полторы тысячи рублей?

Вмешивается судья:

— Что вы их деньги считаете? Может, кто-то пустой конверт дал...

АДВОКАТ: Хорошо! И сколько вы из этих денег потратили?

СУДЬЯ (тихо, нарзасам): Они уже год договориться не могут. (Громко,

в зал): Что касается развода, то здесь дело ясное: хорошо еще, что детей не нажили. Что касается раздела, может быть, сделаем перерыв, и вы пойдете на мировое соглашение?

Мирная инициатива не находит поддержки ни у одной из сторон.
Адвокат возобновляет допрос гражданки Филимоновой.

АДВОКАТ: Так сколько же денег вы потратили за время совместного проживания?

На рисунке Нины появляются все новые и новые родственники Филимоновых...
Нина вспоминает...

* * *

Нина стирает в ванной комнате, ее руки ожесточенно трут воротник Колиной рубахи.
Из глубины квартиры раздается голос Николая.

НИКОЛАЙ: Ну, есть кто живой? Нинка, где ты? Быстрее иди сюда!

Нина с рубашкой в руках заходит в комнату.
Николай радостный, возбужденный, перебирает пластинки.

НИКОЛАЙ (о пластинке): Ну, где же она?

НИНА: Коля, я тысячу раз говорила: нельзя носить одну и ту же рубашку три дня подряд. Ну что мне делать с воротником?

Николай, наконец, находит нужную пластинку:

— Ага, вот.

На всю квартиру гремит музыка Африка Симоннэ. Николай шутливо кланяется, приглашая Нину на танец:

— Мы едем в Африку!

Он пытается вырвать из ее рук рубашку, Нина смеется, отталкивает его,
Николай сам отплясывает под дикую музыку.

— Африка, Африка! — выкрикивает он.

Нина садится на диван. Музыка обрывается, Николай падает рядом с ней:

— Жарко!

НИНА: Объясни, что случилось?

НИКОЛАЙ: Мы едем в Африку!

НИНА: Какую Африку?

НИКОЛАЙ: Северную. На два года. Главным инженером. Михаилу Павловичу удалось пробить мою командировку.

НИНА: Подожди, а как же ребенок?

НИКОЛАЙ: Поедет с нами. Будет учиться с детьми посла: полезные знакомства на всю жизнь.

НИНА: А как же моя работа?

НИКОЛАЙ: Работа не волк, а произведение силы на перемещение. Отдохнешь два года, закончишь книгу об отце. И мир наконец узнает, что он был не заурядным художником-неудачником, а можно сказать, Гогеном нашего города и области.

НИНА: Перестань хохмить! Почему ты раньше ничего не говорил?

НИКОЛАЙ: Ты что, не рада?

НИНА: Ну что ты, очень рада. Подожди, я, кажется, забыла закрыть кран.

Нина убегает в ванную комнату. Сергей ставит другую пластинку, звучит популярная в сороковые годы песня А. Цфасмана на слова Б. Тимофеева "Мне бесконечно жаль". Николай останавливается перед висящим на стене портретом отца. Щелкает языком и разводит руками, будто говоря: "Вот так-то!". Входит Нина.

НИНА: Перетекло.

Николай нежно обнимает ее, они танцуют.

НИКОЛАЙ: Нинка, ты не представляешь, как я рад.

НИНА: Коля, а что будет с твоей мамой?

НИКОЛАЙ: Я уже все решил: квартиру сдаст и поедет к Мишке. В конце концов, он ей такой же сын, как и я.

НИНА: Но ей же нельзя к Мишке — в тамошний климат с ее астмой...

НИКОЛАЙ: Я думаю, все обойдется. Слушай, я просто не представляю, как нам отблагодарить Михаила Павловича.

Нина молчит, но видно, что последняя фраза Николая ей не понравилась. Какое-то время они танцуют молча. Николай смотрит на висящую на стене копию картины Гогена "Тениль зла".

НИКОЛАЙ: Знаешь, Михаилу Павловичу очень понравилась эта копия Гогена. Ее ведь сделал твой отец?

НИНА: А когда Михаил Павлович ее видел?

НИКОЛАЙ: Он заходил как-то, ты была на работе. Слушай, может быть, подарим ему эту копию?

Нина отстраняется от Николая, выключает проигрыватель.

НИНА: Коля, ты с ума сошел, это же взятка!

НИКОЛАЙ: Да какая взятка! И потом, это же не подлинник.

НИНА: Это одна из немногих вещей, оставшихся у меня от отца.

НИКОЛАЙ: Мы обязательно должны это сделать. Если возникнут какие-нибудь осложнения с поездкой, никто, кроме него, нам не поможет.

НИНА: Полгода назад тебе бы и в голову такое не пришло.

НИКОЛАЙ: Потому что полгода назад у меня не было цели. А жена должна помогать и уступать целеустремленному мужу. Как говорили в загсе: "Вы должны уступать друг другу". Следовательно, ты должна уступать мне... Так что, подарим?

НИНА: Подарим...

Николай смеется, пытается поцеловать Нину. Она нерешительно отстраняется.

* * *

Перед судьями — отчим Филимоновой.

СУДЬЯ: Кто ездил покупать гарнитур?

ОТЧИМ: Я ездил!

МАТЬ ГЕНКИ (с места): Мы все ездили!

СУДЬЯ: Кто платил деньги в кассу?

ОТЧИМ: Я платил!

ГЕНКИН ОТЕЦ (вскакивает): Я платил!

Нина продолжает рисовать семейство Филимоновых, распиливающее комод.

Теперь с обеих сторон добавились и адвокаты...

Нина вспоминает...

* * *

Открыв ключом дверь, Нина входит в переднюю своей квартиры. В руках у нее авоська с картошкой. Из ванной комнаты доносится журчание душа. На звук открываемой двери из комнаты выглядывает мужчина лет пятидесяти в трусах и майке. Увидев Нину, он смущенно бормочет: "Простите", — и снова исчезает в комнате. Нина в недоумении зовет мужа:

— Коля! Ты дома?

Мужчина снова появляется в коридоре, на этот раз закутавшись в плед.

Нина спрашивает уже с некоторым испугом:

— Кто вы? Что вы делаете в моей квартире?

МУЖЧИНА: Вы, видимо, Нина, Колина жена?

Испуг на лице Нины сменяется крайним удивлением:

— Да...

МУЖЧИНА: Я — Михаил Павлович, Колин начальник. Давно искал случая с вами познакомиться.

Михаил Павлович протягивает руку, плед соскальзывает. Смущенно улыбнувшись, Михаил Павлович снова извиняется и плотнее закутывается в плед. Взгляд Нины с босых ног Михаила Павловича переходит на картину "Связка ключей", которую видно сквозь открытую в комнату дверь.

НИНА: А что, Коля в ванной?

Михаил Павлович улыбается:

— Нет, Коля работает. Пользуясь случаем, благодарю вас за картину, которую вы мне подарили. Жена была просто в восторге.

НИНА: Так в ванной — ваша жена?

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Не совсем...

Из ванной комнаты слышен женский голос:

— Миша, ну где же полотенце?

НИНА (растерянно): Я, похоже, не вовремя?

Михаил Павлович разводит руками.

НИНА: Я, наверное, пока пойду?..

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Ниночка, тысячу извинений...

Нина выходит на лестничную площадку. На ее лице застыли остатки вежливой улыбки. Нина спускается на один пролет лестницы, ставит авоську с картошкой на пол, садится на ступеньку. Прислонясь к перилам, она плачет.

* * *

Мы попадаем в зал суда в разгар прений адвокатов.

АДВОКАТ ИСТЦА: А договор поручения требует письменных оснований!

АДВОКАТ ИСТИЦЫ: А договор мены не требует?

АДВОКАТ ИСТЦА: Да будет вам известно, дорогой коллега, что договор мены попадает под раздел договора купли-продажи, а тот договор, за исключением домостроений и автомашин, если сделка совершается не медленно после заключения, письменного оформления не требует...

Нина рисует Филимоновых... Она вспоминает...

* * *

Вечер. Нина звонит в дверь своей квартиры. В руках у нее все та же авоська с картошкой.

Открывший дверь Николай заметно смущен — видно, что он знает о встрече Нины с Михаилом Павловичем.

НИКОЛАЙ: Куда ты пропала? Я и на работу звонил, и Олегу с На-

ташей, буквально места себе не находил. Машеньку я уложил, так что пошли чай пить.

Нина молчит. Николай забирает у нее авоську, они проходят на кухню. Николай достает заварочный чайник, засыпает в него чай.

НИКОЛАЙ: Чай кончается. В универсаме сегодня давали цейлонский, мне не хватило...

Нина молчит.

НИКОЛАЙ: Нин, ты прости меня... Так получилось... Понимаешь, Михаил Павлович попросил, а я... Нинка, ну так получилось...

Николай замолкает. Оба смотрят в стол, не решаясь поднять друг на друга глаза.

НИНА: Ты очень изменился, Коля.

Николай молчит.

НИНА: Сначала эта картина, потом Осипов.

НИКОЛАЙ: А что Осипов? Он ушел на главного специалиста, на десятку больше и прогресс.

НИНА: При чем здесь десятка? Олег рассказал мне, что именно ты предложил закрыть тему Осипова как непрофильную.

НИКОЛАЙ: Ну и что?

НИНА: Осипов твой друг.

НИКОЛАЙ: Ну и что?

НИНА: Он работал по этой теме пять лет.

НИКОЛАЙ: Институт не богадельня. Есть тематика наша, а есть чужая.

НИНА: Это подло!

НИКОЛАЙ: Это умно. И по-государственному. И потом, не психани он и не хлопни дверью, начались бы сомнения: я или он...

НИНА: Да ладно, не в Осипове дело... Главное изменилось... Суть... Когда-то действительно главным в тебе была работа... Та, что прежде всего... А теперь так — мельканье пред очами... "Я должен там быть"... И потом, сегодня днем... Это был такой стыд...

НИКОЛАЙ: А что я мог сделать? Когда тот, кто приказывает, просит, ему не отказывают. И особенно в тот момент, когда решается, едем мы или нет.

Закипевший чайник начинает свистеть. Николай встает и занимается приготовлением чая.

НИНА: У тебя осталось что-нибудь в голове, кроме этой поездки?

НИКОЛАЙ: Сколько раз я уже говорил тебе, что поездка — это просто этап, марш лестницы.

НИНА: Что за чушь? Какой лестницы?

НИКОЛАЙ: Туда — вверх...

НИНА: Перестань декламировать. Куда вверх? Чем тебе здесь плохо?

НИКОЛАЙ: Да там я буду приносить в десять раз больше пользы, чем приношу здесь! И в двадцать раз больше, чем какой-нибудь Осипов, если он пролезет вместо меня. Потому что я умнее, талантливее, выносливее его.

НИНА: Это же опять демагогия! Пользу кому?

НИКОЛАЙ: Народу! Стране, которая меня вынянчила, выкормила и выучила.

НИНА: При чем здесь страна, когда едешь ты, а не Осипов, — не потому что ты умнее и талантливее, а потому что взятку Михаилу Павловичу сунул ты, а не он, и ключики подсунул тоже ты, а не он.

НИКОЛАЙ: В конце концов неважно, как я это сделал, а важно — ради чего!

НИНА: Скажи еще, что ты это сделал ради семьи!

НИКОЛАЙ: Да! Ради вас с дочкой.

НИНА: Ради нас с дочкой в нашей постели сегодня...

НИКОЛАЙ: Да! Потому что жизнь — это шахматы, и нужно уметь пожертвовать фигуру, чтобы выиграть партию.

НИНА: Коля, это же не твои слова, это какой-то театр. Какие шахматы? Кто решает, чем жертвовать?

НИКОЛАЙ: Смелые жертвуют многим.

НИНА: А подлые — всем?

НИКОЛАЙ: Всем жертвуют дураки, как твой отец, который бросил все: Москву, карьеру, только потому что не захотел нарисовать два-три нужных портрета. И чего он достиг? Рисовал афиши для кинотеатров?

НИНА: Он говорил, что грязные руки пачкают холст!

НИКОЛАЙ: Да это слова паршивого неудачника!

НИНА: Хватит!

Чай так и остался в стаканах на столике возле плиты.

НИНА: Коля, я не могу так больше. Я ухожу от тебя.

НИКОЛАЙ: Куда?

НИНА: Совсем. Развожусь.

НИКОЛАЙ: Ты что? Ведь тогда сорвется поездка! И из-за чего? Из-за того, что я дал ключ Михаилу Павловичу?

НИНА: Нет.

НИКОЛАЙ: А из-за чего?

НИНА: Из-за того, что застав Михаила Павловича в своей спальне, я не сказала ему всего, что о нем думаю, а извинилась и вышла. А еще год назад я бы так не сделала. Я не могу подойти к портрету отца, я чувствую на себе грязь...

НИКОЛАЙ: Значит, все дело в отце? В этой идиотской книге, которой ты надеешься прославить его и себя? Ты понимаешь, что предаешь меня в самый ответственный момент?

НИНА: Это ты предаешь нас! Вернее, предашь, когда снова понадобится жертвовать. Как предал мать, когда отправил ее к Мишке задыхаться.

НИКОЛАЙ: Замолчи!

На кухне появляется заспанная Машенька в летней пижамке.

МАШЕНЬКА: Мама, я тебя ждала, я хотела сказать, что хочу выйти замуж за Димку Колосова.

Нина поднимается ей навстречу, берет на руки.

НИНА: Зачем, Машенька?

МАШЕНЬКА: Потому что у него есть цветной телевизор.

* * *

Из зала суда выходят родственники уже бывших супругов Филимоновых. Отчим Филимоновой обращается к своей жене, но слышат его все:

— Тоже мне, Соломоново решение — пятьдесят на пятьдесят! Я этого так не оставлю, завтра же составим жалобу...

* * *

В пустой приемной суда звонит телефон. Николай с трубкой в руке прислушивается к длинным гудкам. Потом аккуратно кладет на рычаг телефонную трубку.

* * *

Перед судьей и народными заседателями — пожилая пара. Одеты очень скромно, можно сказать, бедно, но подчеркнуто аккуратно. На нем — черный выходной костюм, тщательно отутюженный и вычищенный; на груди несколько медалей. Она, несмотря на то, что день выдался довольно теплый, в плотном платке.

НИНА (тихо судьей): Неужели эти тоже разводиться?

СУДЬЯ: Да нет, тут как раз наоборот. (В зал): Слушается дело о при-

знании недееспособным Демьянченко Павла Викторовича. (Обращаясь к старику): Виктор Исидорович, изложите суду ваше дело.

СТАРИК: Дело наше житейское, товарищи судьи. Зовут меня Демьянченко Виктор Исидорович, а это — супруга моя, гражданка Демьянченко. Сын у меня, Паша, Павел Викторович... Хворый... Лет ему сорок шесть, а соображение — как у пятилетнего ребенка. Малышом в войну захворал. Его б в больницу, так, может, вылечили бы, но тогда фронт близко к городу был, все больницы под ранеными были. Так и остался хворый. Дурачок, словом. Уход же за ним нужен, как за дитем малым. Надо, чтоб кто при нем опекуном числился. Раньше Паша, бывало, хоть чуток соображал, а теперь совсем хворый стал.

СУДЬЯ (поясняет нарзасам): Для оформления опекунства нужно решение суда о недееспособности Павла. Необходимое медицинское заключение в деле имеется, так что, я думаю, вопрос ясен.

Народные заседатели, соглашаясь, кивают.

СТАРИК (одобрительно): Но! Ясен! Только надо, чтоб опекуном она числилась, гражданка Демьянченко. Она моложе меня, еще лет пятнадцать проживет. Я помру, так ей чтоб хоть пенсию по инвалидности на Пашу платить не перестали: тридцать два-то рубля!

НИНА (старухе): А вы что, не согласны?

СТАРУХА: На что не согласна?

НИНА: Быть опекуном. Ухаживать за ним.

СТАРУХА (с укоризной): Да разве так можно? Сын ведь, не чужой кто... Да я ведь за ним и так хожу. Дед-то больше на работе, так что я с Пашей все одна: и подстирать, и накормить... Бывает, раскапризничается, так и с ложечки.

СТАРИК: Да тут не в том дело: у сына в метрике другая мать вписана.

НИНА (старухе): Как другая мать? Разве это не ваш сын?

СТАРУХА: Как не мой? Мой! Всю жизнь за ним хожу.

СТАРИК: Да погоди! Сын у меня от другой жены. А потом мы всю жизнь с гражданкой Демьянченко прожили.

НАРЗАС: А с первой женой вы в разводе?

СТАРИК: Да как сказать — в разводе... Надорвалась она... На работе надорвалась и померла в сорок седьмом. А в сорок восьмом в нашу местность приехала гражданка Демьянченко. Мы с ней и записались. Вот я и прошу, чтоб она опекуном числилась. Потому как моложе она, лет пятнадцать еще проживет.

СУДЬЯ: Да не беспокойтесь, Виктор Исидорович. Будет числиться

гражданка Демьянченко. Возьмете постановление суда — и в исполком, там все оформят.

СТАРИК: Ну, раз так — спасибо!

Старика Демьянченко идут к выходу.

Нина смотрит им вслед — на их старческие прямые спины..

На листке бумаги, лежащем перед Ниной, изображен дом. Окна его перечеркнуты накрест полосками бумаги. Рядом с домом нарисована детская коляска. Возле коляски стоит женщина, сильный ветер натянул подол ее платья и косынку..

НИНА (судье): Василий Григорьевич, я выйду на несколько минут. Мужу позвонить.

СУДЬЯ: Да, конечно. Сделаем маленький перерыв.

* * *

Нина входит в приемную суда. В приемной обильно накрашенная женщина лет тридцати говорит по телефону. Нина показывает, что хочет срочно позвонить. Женщина указывает на стоящий на соседнем столе телефонный аппарат. Нина набирает номер.

ЖЕНЩИНА (в трубку): Ну что "увидеть", "увидеть"... Ты давай словесный портрет. Так... Черный?.. Немецкий?.. Третий размер?.. А, гарнитур..

Нина слышит длинные гудки, потом деловитое, но вежливое:

— Институт. Слушаю вас?

НИНА: Будьте добры, Коло Лапина можно к телефону?

ГОЛОС В ТРУБКЕ: Он в библиотеке. Простите, а кто его спрашивает?

НИНА: Жена.

ГОЛОС: Вы знаете, он действительно в библиотеке. Может, что-нибудь ему передать?

НИНА: Да нет, спасибо..

Она кладет трубку и выходит в коридор.

* * *

Зал суда пуст. Перед судьями — супружеская пара. Она — лет 35-ти, худощавая, невысокого роста. Одега неярко, но с большим вкусом, что называется — "дорогая простота". Нервные пальцы теребят висящий на груди золотой кулон. Он — сорокалетний, вальяжный: хорошо сидящий костюм, ловко повязанный галстук. Сдержан, но чувствуется, что нервничает.

СУДЬЯ: По желанию сторон дело слушается при закрытых дверях. Истица, гражданка Бородулина, суд вас слушает..

Бородулина после небольшой паузы спрашивает:

— А что я должна сказать?

СУДЬЯ: Вы ничего не должны, вы можете сказать, если вам есть что сказать суду.

Истица преодолевает смущение, говорит спокойным неожиданно звучным голосом:

— Мне есть что сказать суду. Я несчастлива с этим человеком, не могу и не буду жить с ним больше.

СУДЬЯ: А какова причина развода?

БОРОДУЛИНА: Вы меня, наверно, не поняли. Я говорю, что с этим человеком жить не могу.

Судья ждет, что еще скажет Бородулина. Она молчит.

СУДЬЯ: Гражданка Бородулина, поймите, вы должны убедить суд в том, что ваша семья распалась. Я повторяю свой вопрос: в чем причина развода?

БОРОДУЛИНА: Все очень просто — я не люблю Вадима. По-моему, это и может быть единственным основанием для развода. Разве не так?

СУДЬЯ: Ясно. Ответчик, вы согласны с иском?

Бородулин, поднявшись, вежливо спрашивает:

— Что вы?

СУДЬЯ: Я спрашиваю, согласны ли вы развестись?

БОРОДУЛИН: Я считаю, что у нас нормальная советская семья, отличный ребенок, для которого наш развод может стать тяжелейшей психологической травмой. Я прошу у суда полгода на примирение.

НАРЗАС: Сколько лет вашему ребенку?

БОРОДУЛИН: Мальчику двенадцать лет.

СУДЬЯ: Сколько лет вы женаты?

БОРОДУЛИН: Пятнадцать.

СУДЬЯ: Когда последний раз находились в супружеских отношениях?

БОРОДУЛИН (заметно смущен): Месяц назад.

СУДЬЯ: Истица, это так?

БОРОДУЛИНА: Два месяца назад. И я вспоминаю об этом с омерзением.

БОРОДУЛИН: Инна, я прошу тебя!

БОРОДУЛИНА: Да, с омерзением. И все эти пятнадцать лет я тоже вспоминаю с омерзением. Потому что этот человек — эгоист и... пятнадцать лет с ним — это полжизни, проведенной в тюрьме.

СУДЬЯ: Что будет с ребенком?

БОРОДУЛИНА: Да лучше не иметь отца вовсе, чем такого.

НИНА: Такого — какого?

БОРОДУЛИНА: Да разве вы не видите, какого? Этот человек может и через раненого перешагнуть, лишь бы брюки в крови не измазать.

БОРОДУЛИН: Инна, перестань!

БОРОДУЛИНА: Это же человек, который мать, понимаете, свою мать, больную, при смерти, усадил в поезд, чтоб она умерла не здесь, в его квартире, а где-нибудь в дороге, чтоб ему хлопот было меньше.

СУДЬЯ: Ответчик, когда это было?

БОРОДУЛИН: Мать умерла семь лет назад. Но что за бред: "усадил в поезд", "хлопот поменьше"... Поехала к сестре, случился приступ. Похоронили, действительно, не здесь, но я потом ездил туда, памятник поставил.

БОРОДУЛИНА: В день отъезда ты трижды вызывал "скорую".

БОРОДУЛИН: Да какая тебе разница — это ведь моя мать, а не твоя.

БОРОДУЛИНА: Со мной и моей матерью ты поступил не лучше.

БОРОДУЛИН: Если бы ты не пожадничала — твоя мать и сейчас была бы жива.

БОРОДУЛИНА: Замолчи!

Бородулины умолкают.

На лежащем перед Ниной листе изображена Бородулина. Она сидит за туалетным столиком перед зеркалом. На ее лице — грусть и усталость. В бессильно опущенной руке — пуховка.

СУДЬЯ: Ответчик, как понять вашу последнюю фразу?

БОРОДУЛИН: Два месяца назад ее мать прооперировали в урологии. Можно было устроить, чтобы оперировал хороший хирург, но жена... Что вы на меня так смотрите, товарищи судьи? О порядках в урологии знает весь город. Имейте в виду, если с почками что не так...

БОРОДУЛИНА: Ну что ты меряешь всех по себе? (Судьям): Мать оперировал зав. отделением. Случай был urgentный, он приехал ночью, какие там деньги... Они бились до утра, но ничего не смогли.

Бородулина умолкает.

НИНА: Вы живете в отдельной квартире?

БОРОДУЛИН: Да, и эти 28 метров, наверное, единственное, что у нас осталось общего.

НАРЗАС: И все же — быть может, вам стоит еще подумать...

БОРОДУЛИНА: Это бессмысленно, здесь не склеишь. (Долгая пауза.) Ведь тогда, два месяца назад, когда мать умирала в больнице, хрипела, он меня... он меня и предал. Вечером сказал, что едет в аэропорт встречать какое-то приезжее начальство, звонил в больницу каждые два часа, справлялся о ма-

мином здоровье и все говорил, что рейс задерживают. А потом я узнала, что всю эту ночь он провел... ну, словом, у другой женщины... Она живет в двух шагах от больницы. Перед ее домом еще такой скверик... Боже, какой стыд!

Судьи какое-то время молчат.

СУДЬЯ: Ответчик, это правда?

БОРОДУЛИН: Правда. Это был не самый красивый поступок в моей жизни. Но до этого и потом я ни разу жене... А, да что говорить...

Нина продолжает рисовать. В зеркале, перед которым сидит Бородулина, возникает отражение. Нина делает еще два-три движения фломастером — и становится ясным, что вместо лица Бородулиной в зеркале — лицо Нины...

БОРОДУЛИНА: Граждане судьи! Я умоляю, понимаете, умоляю вас: освободите меня от этого человека. Пусть я не так молода, пусть жить мне осталось не так много... Но, в конце концов, есть же у меня право на то, чтобы, придя в свой дом, счастливо вздохнуть, а не задохнуться от омерзения. Я понимаю, у меня есть сын, ему нужен отец. Пусть он будет ему отцом. У меня никого, в смысле другого мужчины. Я так и могу остаться одна, я понимаю. Но это все равно лучше, чем жить, как сейчас. Когда сегодня нужно улыбнуться Петру Ивановичу: он еще может нам пригодиться. Когда лучший друг вдруг оказывается подонком: он что-то не то сказал на ученом совете. Я жду от мужа любой подлости, любого предательства. Каждый мой день с ним — это шаг вниз. Но ведь какой-то шаг должен быть последним? Ведь где-то должен быть предел, до конца ведь терять себя невозможно? Я очень прошу вас: разведите нас. Я не люблю этого человека.

И снова в зале суда гнетущая тишина. Из пальцев Бородулиной выскальзывает порвавшаяся цепочка. Кулон со стуком падает на пол.

СУДЬЯ: Суд удаляется на совещание.

* * *

Совещательная комната: три неудобных жестких стула, стеклянная пепельница, стаканы и графин с водой на лакированном столе, уличный гомон, доносящийся из полуоткрытого окна. Нина стоит у окна, судья заполняет бумаги, второй народный заседатель аккуратно распечатывает пачку "Сальве".

СУДЬЯ: Иван Сергеевич, ваше мнение?

НАРЗАС (разминая папиросу): Я бы дал полгода на примирение. Пусть страсти поулягутся.

СУДЬЯ: А вы, Нина Андреевна?

НИНА: Мне кажется, здесь не склеишь. Развод.

НАРЗАС: А сын?

НИНА: Вырастет — поймет.

НАРЗАС: Что поймет? Что из-за мамашиних принципов без отца остался?

НИНА: На то они и принципы, чтоб из-за них жертвовать.

НАРЗАС: Ну и жертвовала бы собой, а не ребенком.

НИНА: Жизнь с таким отцом мальчику счастья не принесет. Он что дома, что на работе...

НАРЗАС: Ну откуда мы знаем, какой он на работе? Да, он хочет занять не последнее место в жизни. А ваш муж этого не хочет?

Нина подходит к столу, наливает воды из графина. Голос ее чуть дрогнул:

— Хочет. Но мы сейчас не о нем говорим, а о Бородулине.

Так и не выпив воды, Нина ставит стакан на стол.

НАРЗАС: Говорим мы о Бородулине, а думаем-то о себе. Тем более что все мы вроде одинаковые — граждане. Я — советский гражданин, Филлимонов — советский гражданин, Бородулин — советский гражданин.

В разговор вступает молчавший до сих пор судья.

СУДЬЯ: В том-то и дело, что "вроде". Я, верите, говорю здесь некоторым "гражданин" — слово в глотке застревают. Утром в суде комод делат, а после обеда на работе повышенные обязательства принимают. Или стоит перед тобой рекордсмен-ударник, медаль ВДНХ негде вешать, и у отца с матерью квартиру отсуживает. Сложно все это...

НИНА: А по-моему, просто: порядочность — это и есть сейчас главное проявление гражданственности. И, простите мне этот пафос, а с каждой уступкой совести гражданина в тебе меньше остается.

Нарзас подходит к окну:

— Вы вот на этих посмотрите, что же их женам говорить... (Смотрит на часы.) Как раз без двух минут одиннадцать...

На противоположной стороне улицы у магазина "Ликеро-водочные изделия" собралось несколько его завсегдатаев. Старые и молодые, более или менее потрепанные — все они с нетерпением ждут заветного часа открытия магазина.

НИНА (кивает за окно): Этих хоть видно: вот — "Пьянству — бой".

А Бородулин — тот еще хуже... Он и есть зло ползучее. Посмотришь в его глазки серенькие — будто в морозильник залезешь. А он — как взвешивает: что из тебя выжать можно.

НАРЗАС: Психология все это.

НИНА: А брак — он и есть психология. За таким мужем один путь — такой же стать, если вовремя не остановиться. А трудно остановиться, потому что жизнь: дети, дом, работа... И вроде чувствуешь, что делаешь что-то не то, и засосет под ложечкой: ох, стыд-то какой, но подумаешь — а, ладно, еще стирать, и уборка, да и что, другие разве иначе живут?.. А на самом деле — шаг вниз. И так — шаг за шагом. А через пару лет приедет брат или подруга школьная, словом, тот, по кому сверяешься, потому что у каждого внутри есть этот, ну, которым ноты проверяют... (Нина пьет воду.) Приедет и спросит: что с тобой? Ты ли это? И поймешь, что не ты, что часть серого из мужниных глаз уже в тебе. А дальше два пути: либо все настезь и свежий воздух в жизнь впустить, либо еще компромисс, и еще, и серое это тебя, как цементом, схватывает... Да... Так я о Бородулиной. Не может она больше так. Сломалась их жизнь — вместе. Знаете — как хрусталь, — края острые. Так что, давайте их разведем.

Какое-то время все молчат. Тишину нарушает голос судьи.

СУДЬЯ: Меня вы убедили. А вас, Иван Сергеевич?

НАРЗАС: Сдаюсь! (Поднимает руки.)

* * *

Николай стучит костяшками пальцев в дверь с табличкой, на которой мы успеваем разобрать: "Зам. директора по научной работе...". Из-за двери доносится "да-да", и Николай входит в кабинет уже знакомого нам Михаила Павловича. Большой полированный стол завален книгами и папками, на столе — два телефона: один обычный, городской, другой — ярко-желтый, без диска — внутренней связи. За широкой спиной хозяина кабинета — набитый книгами шкаф со стеклянной дверцей, на стене слева — грифельная доска, беспорядочно исчерканная формулами и графиками. В центре доски — профессионально исполненный мелом шарж на сидящего за столом.

НИКОЛАЙ: Вы меня искали, Михаил Павлович? Я был в библиотеке...

Войдя в кабинет, он с удивлением наблюдает за манипуляциями, которые проделывает его начальник. Тот льет из только что закипевшего электрочайника воду в баночку со сметаной и быстро размешивает ее ложечкой.

Михаил Павлович перехватывает удивленный взгляд Николая:

— Горлом не страдаешь? А у меня — больное, видишь — холодного нельзя.

Михаил Павлович пробует сметану, удовлетворенно кивает и указывает Николаю на стул.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Здоровье, здоровье... Будете когда-нибудь жалеть, что не уберегли шефа. Да... Но пока живы, Коля, надо трудиться. Так сказать, до последнего вздоха! (Смеется.) Так что, давай о деле: получил письмо от Семишина. Семишин предлагает прислать статью в сборник, где он редактор. Сборник престижный, так сказать, членкорский. Что означает публикация в таком издании — тебе объяснять не надо.

НИКОЛАЙ: Да.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Я сейчас работаю в основном над обобщением своих прежних результатов, ничего свеженького у меня лично для этого сборника нет. Но я так подумал: а не послать ли нам тот материал, который ты докладывал в прошлый раз на семинаре?

НИКОЛАЙ: Ну это — как вы считаете...

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Тогда подготовишь проект статьи, я там мелочи подправлю — и с богом. Подготовишь?

НИКОЛАЙ: Подготовлю.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Отлично! Но только тут такой момент: фамилия под этой статьей должна быть одна.

НИКОЛАЙ: Как одна?

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Моя.

Раздается телефонный звонок. Михаил Павлович, указывая на аппарат, быстро спрашивает:

— Какой? Директорский?

Желтый телефон снова звонит.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Ага, директор... Тихо! (Поднимает трубку.) Да!

Некоторое время он внимательно слушает директора, затем начинает хоть и корректно, но все же достаточно резко говорить:

— Нет, не согласен... Если Федосьев просит нас ему помочь с пропиской, то мы должны расшибиться, а сделать... Нет, не потому что он работает в моем отделе, а потому что он — талант!!! Что значит — не тот уровень? Да, он инженер, но работает в силу иного кандидата наук... Да, я его ценю, и за то, чтоб его сохранить, буду драться. Именно: драться. Да... Да... Хорошо...

Михаил Павлович кладет трубку.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ (возмущен): Парень просит помочь, так, видите ли, не тот уровень!.. А у этого Федосьева голова золотая... Что?

НИКОЛАЙ: Золотая...

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: И руки! (Улыбаясь, кивает на доску): Вон каким шефа изобразил! Директор... Мало ему, что Осипов ушел... Ты с Осиповым тоже хорош. Работали бок о бок столько лет, так ты не мог промолчать? Да... Так на чем мы остановились?

НИКОЛАЙ: Что фамилия под статьей должна быть только ваша.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Да... Фамилия, Коля, должна быть только моя. Ты, Коля, парень молодой, еще в таких сборниках поучаствуешь, а вдвоем подписывать неудобно... Ну что ты молчишь?

НИКОЛАЙ: Да я не молчу.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Не усложняй, Коля. Ты ж математик, а математика учит упрощать, а не усложнять...

Николай пожимает плечами.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Надо, надо шефа выручать в трудную минуту. Шеф тебе еще пригодится. Не кисни... Давай об Африке. Звонили сверху, сказали — сегодня должны быть документы. Так что, бери папку и вперед.

Николай заметно смущен.

НИКОЛАЙ: Михаил Павлович, вы понимаете...

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Что ты мнешься, как девушка? Говори, что случилось?

НИКОЛАЙ: Нина что-то... Говорит, не хочу ехать...

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Это что, из-за вчерашнего?

НИКОЛАЙ: В общем-то, да.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Нашла из-за чего... Ах, черт... Здесь, знаешь, как в анекдоте про кладбище: место есть, но ложиться надо сегодня. Ну, смотри сам. Если документы к концу дня не будут наверху, мне придется назвать другую фамилию. (Доверительно): Ты что, не понимаешь, что эта поездка для тебя? По возвращении почти наверняка отдел. А твой отдел, да мой отдел, да еще какой-нибудь — это уже институт, я директор, ты — зам.

НИКОЛАЙ: Она человек сложный, уперлась — и все.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: "Уперлась"... Мне что-то твой тон не нравится. Может, и ты ехать не хочешь?

НИКОЛАЙ (пожимает плечами, тихо): Хочу...

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Не понял?

НИКОЛАЙ: Хочу.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: А раз хочешь, так придумай что-нибудь. Словом, к концу дня вопрос должен быть решен. Понял?

НИКОЛАЙ: Попробую.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ: Ну, давай.

* * *

Нина входит в здание с вывеской "Музей изобразительных искусств", привычно скользит взглядом по стоящей в вестибюле афише "Лекция: "Жизнь и творчество французского художника Поля Гогена". Лектор — искусствовед Н.А. Лапина", приветливо здоровается с билетершей:

— Добрый день, Тамара Сергеевна.

БИЛЕТЕРША: Здравствуйте, Ниночка. Вам муж звонил раза три. Просил перезвонить.

НИНА (поднимаясь по широкой лестнице, ведущей на второй этаж): Спасибо. Витя в музее?

БИЛЕТЕРША: Бегал где-то здесь ваш Витя. Вон, легок на помине.

Навстречу Нине по лестнице спускается Витя — верткий восемнадцатилетний парень.

ВИТЯ: Нина Андреевна, пойдёте скорее. Мне еще в кафе надо успеть, в "Молодежное", аппаратуру перед дискотекой чинить.

НИНА: Ты погоди, совместитель. У меня лекция через двадцать минут. Ты к ней все наладил?

ВИТЯ: Нина Андреевна, докладываю: слайды к лекции готовы, диапроектор работает как часы. Все утро с ним возился, менял трансформатор.

Они поднимаются по лестнице и направляются к лекционному залу.

НИНА: Ты, Витя, не лаборант, а золото.

ВИТЯ: Скажите об этом директору. Пусть знает, какого кадра теряет.

НИНА: Почему теряет?

ВИТЯ: А я в университет ухожу. Лаборантом. На кафедру низких температур.

НИНА: Да зачем тебе эти температуры?

ВИТЯ: Так я ж в университет поступать буду... И потом: передний край науки. Есть чему посвятить жизнь.

НИНА: "Посвятить жизнь"... Ты об этом так говоришь, будто стихи читаешь.

ВИТЯ: Да какие стихи... Должна же у мужчины в жизни быть цель. Кстати, и получают у нас больше всех капитаны заграничавания и физики. Меня в лодке на пруду — и то укачивает. Так что остается одно...

НИНА: Давай, остряк, открывай зал.

Нина и Витя заходят в затемненный лекционный зал: несколько рядов удобных кресел, у задней стены, напротив большого экрана, диапроектор.

ВИТЯ: Что нового в суде?

НИНА: Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

ВИТЯ: Где-то я это уже слышал...

НИНА: В "Очевидном-невероятном" говорили.

Зал освещен лишь одной небольшой лампочкой, установленной возле диапроектора.
Нина садится в кресло.

НИНА: Давай.

Витя нажимает что-то на пульте, проектор щелкает, и на экране возникает картина Гогена "Автопортрет художника перед мольбертом".

НИНА: Молодец, отлично. Давай следующий.

Щелчок — и на экране картина "Добрый день, господин Гоген".

ВИТЯ (кивая на экран): Вот не повезло человеку. Умер в нищете, а теперь его картины стоят бешеные деньги.

Щелчок проектора — и на экране картина "В лодке".

НИНА: Зато у него в жизни была цель.

ВИТЯ: Да-а...

НИНА: Ты же слышал, наверное: был себе Гоген дельцом, хорошо зарабатывать...

Щелкает проектор. На экране возникает картина "Дни наслаждений".

НИНА: ...была у него семья, дети, все бросил, уехал на Таити, жил впроголодь, работал круглые сутки...

ВИТЯ: Ну и?..

На экране — картина "Женщина с цветком".

НИНА: Этот можно убрать.

Щелкает диапроектор. На экране картина "Откуда мы приходим? Кто мы? Куда идем?"

НИНА: "Ну и..." И вот такое рисовал.

Щелкает проектор. На экране картина "Женщина под деревом манго".

ВИТЯ: А что, для этого обязательно впроголодь?

НИНА: А по-другому не получалось. Давай!

ВИТЯ: Странно.

Щелкает проектор. На экране возникает картина "Портрет художника (на Голгофе)".
Нина перестает смотреть на экран и поворачивается к Вите:

— Почему странно? Вот ты из-за своих низких температур готов ночами над приборами сидеть?

ВИТЯ: Ну, так без этого толку не будет.

НИНА: И ведь не за зарплату же лаборанта?

ВИТЯ: Ясно, нет.

НИНА: А за что?

ВИТЯ: Я знаю?.. За науку.. Но только здесь возможен разумный компромисс. Вот зав. на кафедре низких температур. Молодым, говорят, как негр вкалывал, молоко за вредность и то забывал выпивать. Потому и достиг в науке, ну и в жизни, кое-чего. А как достиг — успокоился: меньше думает о температурах, больше — как перед начальством мелькнуть. Цели, они в жизни меняются... Давать следующий?

НИНА: Что?

ВИТЯ: Я говорю, давать слайд следующий?

В зал входит молодая сотрудница музея:

— Нина Андреевна, вам с полчаса назад муж звонил. Просил перезвонить.

Нина направляется к выходу:

— Спасибо. Сейчас перезвоню.

СОТРУДНИЦА: Можно от нас.

НИНА: Да я лучше из автомата на улице. Заодно газировки попою. Мне что-то весь день сегодня пить хочется.

Нина открывает дверь, в потоке льющегося из коридора света оборачивается к Вите.

НИНА: Да нет, Витя, цели — если настоящие — они в жизни не меняются.

На экране — по-прежнему картина Гогена "Портрет художника (на Голгофе)".

* * *

Из остановившейся перед зданием музея машины выходит Николай. В руке у него неболь-

шой букетик ландышей. Николай направляется было ко входу в музей, но потом, не решившись войти, принимается расхаживать вперед-назад по маленькому скверу перед музеем. В скверике людно, деловито снуют прохожие. Но наибольшую суету создает бригада рабочих, прокладывающих телефонный кабель. Здесь же находится передвижной компрессор, и время от времени людской говор, звуки едущих по улице автомобилей, голоса играющих в скверике детей — все это тонет в грохоте отбойного молотка.

Николай заметно нервничает, то и дело поглядывает на часы. Он решает позвонить Нине еще раз и заходит в кабину одного из нескольких стоящих у здания музея телефонов-автоматов. Из музея выходит Нина. Не заметив в кабине телефона Николая, Нина заходит в соседнюю кабину и тоже принимается набирать номер.

Первым сквозь толстые стекла соседних кабинок замечает Нину Николай. Прижавшись лбом к стеклу, он смотрит на ее профиль, тонкую руку, поправляющую прядь волос.

Николай тихонько стучит по стеклу обручальным кольцом.

Нина оборачивается. Прижав к щеке телефонную трубку, смотрит Николаю в глаза, смотрит на букетик ландышей в его руке. В трубке слышны длинные гудки, затем недовольный голос спрашивает:

— Алло! Алло! Кто вам нужен?

По-прежнему глядя на Николая, Нина отвечает:

— Спасибо, уже никто.

Николай, не расслышав, одними губами спрашивает: "Что?". Нина отрицательно качает головой. Николай улыбается, говорит что-то, но его не слышно: слова тонут в грохоте отбойного молотка. Нина опять качает головой, улыбается и смахивает слезу.

Они выходят из телефонных кабинок. Николай нежно обнимает Нину за плечи, она, зарыв лицо в букетик ландышей, прижимается к его груди.

НИКОЛАЙ: Нина, прости...

НИНА: Я знала, что ты придешь...

НИКОЛАЙ: Прости... Понимаешь, я просто...

НИНА: Молчи. Просто теперь все будет по-другому.

НИКОЛАЙ: Все будет по-другому...

НИНА: Главное, что мы опять вместе. И остаемся людьми.

НИКОЛАЙ: И что ты все понимаешь.

НИНА: И что ты все понял.

— Поберегись!

Нина и Николай вынуждены отскочить в сторону, чтобы дать дорогу рабочим, катящим деревянную катушку с телефонным кабелем. Нина крепко берет Николая под руку.

Они идут по скверу.

НИКОЛАЙ: Пойдем, проводишь меня.

НИНА: Ты куда, в институт?

НИКОЛАЙ: Нет, к начальству. Отвезти документы.

НИНА: Какие документы?

Николай улыбается:

— Ну как — какие? Наши. На Африку.

В разговор, словно пулеметная очередь, врывается стук отбойного молотка.
Нина высвобождает руку:

— Подожди. Так ты что, все же думаешь ехать?

Николай удивлен:

— Ну конечно. Но я так понял, что ты тоже не против?

Грохот отбойного молотка становится оглушительным.

НИНА: Так что, ты ничего не понял?

НИКОЛАЙ: Что понял?

Нина молча поворачивается и идет прочь. Николай догоняет ее, разворачивает за плечи лицом к себе и говорит очень громко, стараясь, перекричать стук отбойного молотка:

— Что понял? Объясни? Ты что, не хочешь ехать?

НИНА: Мы говорим с тобой — как сквозь стекло...

НИКОЛАЙ: Ты что, не хочешь ехать?

НИНА: Такой ценой — нет!

НИКОЛАЙ: Какой ценой? Ты ненормальная! Ну что я такого сделал? Ну что, я убил кого?

Нина молчит.

НИКОЛАЙ: Ну что ты молчишь?

Нина молчит. Грохот уже трудно переносить. Николаю приходится кричать.

НИКОЛАЙ: Вопрос стоит так: или мы едем, или я ухожу. Мне не нужна жена, которая может меня предать в самый ответственный момент.

Нина что-то говорит, но ее слов нельзя разобрать.
Николай кричит:

— Что?

Компрессор внезапно замолкает, и в наступившей звенящей тишине очень ясно и отчетливо слышно Нинино:

— Уходи...

Она возвращает Николаю цветы и уходит. Николай остается один. Он садится на скамейку,

вертит в руках букетик ландышей, потом аккуратно кладет его на скамейку рядом с собой.
Он смотрит на букетик...

* * *

Николаю вспоминается такой же букетик ландышей в вазочке на столе в мастерской Нинино
го отца. Это — тот самый день, когда отец предложил посостязаться в силе.

Отец сидит в кресле, ноги его прикрыты пледом. Нина берет из вазочки букетик, сквозь цве-
ты смотрит на Николая. Отец и Николай поудобнее пристраивают локти на столе, крепко бе-
рут друг друга за кисти рук. Тыльная сторона ладони Николая довольно скоро оказывается
прижатой к крышке стола. Нина шутливо утешает побежденного
и преподносит победителю букетик.

Состязание окончено. Отец выжимается на подлокотниках кресла и становится на ноги. Он
делает шаг, потом еще — немощные, жалкие шажки. Он оступается, едва не падает. Нико-
лай — молодой, сильный — подбегает к нему, поддерживает, усаживает в кресло.

Букетик ландышей остается лежать на полу...

* * *

Букетик ландышей лежит на скамейке. Николай берет букетик, оглядывается, не зная, куда
его сунуть. Взгляд останавливается на сидящих на соседней скамейке двух молоденьких де-
вушках в рабочей одежде. Видимо, это работницы из бригады, прокладывающей в скверике
кабель. Они наскоро перекусывают, в руках у них по булке и по бутылке кефира. Девушки че-
му-то счастливо, беззаботно смеются. Николай подходит к ним,
ловко вставляет букетик в горлышко одной из бутылок.

НИКОЛАЙ: Вот так. Это вам. На память о сегодняшнем дне.

Он идет прочь. Молодой, сильный.

* * *

Нина стоит на задней площадке троллейбуса, задумчиво смотрит сквозь стекло на проплы-
вающую мимо улицу. Остановка. В троллейбус входит оживленная компания, в руках у во-
шедших бутылки, свертки. Это бывшие супруги Бородулины и их приятели, по-видимому,
муж и жена, одинакового с ними возраста. Бородулиных трудно узнать, настолько разительно
отличается их нынешнее поведение от того, что было в зале суда. Вместо отчужденности и не-
нависти — теплота и ласка любящих супругов, вместо бледных, взволнованных лиц — радост-
ные, заразительные улыбки. Не заметив стоящую к ним спиной Нину,

Бородулины весело делятся впечатлениями.

БОРОДУЛИН (обращаясь к жене): Инночка, не заходи далеко, выйдем
на следующей, купим шампанского.

БОРОДУЛИНА: Только "Золотого"! Я заслужила.

БОРОДУЛИН: Несомненно! (Обращаясь к друзьям): Если бы Неелова
видела сегодня Инну, она бы наверняка оставила сцену.

БОРОДУЛИНА: Если бы Неелова за каждое выступление получа-
ла однокомнатную квартиру, она бы сыграла еще лучше.

ПРИЯТЕЛЬНИЦА БОРОДУЛИНЫХ: А зачем такой спектакль?
Сказали бы, что у вас давно другие семьи, и все.

БОРОДУЛИН: Как только мне выделяют квартиру, из нашей конто-
ры пойдут письма, что развод фиктивный, что мы с Инной живем душа

в душу. А так — меня бросила жена. Без всяких видимых причин. Она меня ненавидит. Пойди, проверь... И надежно, и быстро.

ПРИЯТЕЛЬНИЦА БОРОДУЛИНЫХ: А почему такая срочность?

БОРОДУЛИН: Если бы я еще неделю состоял в законном, эту квартиру отдали бы какому-нибудь ветерану.

ПРИЯТЕЛЬ БОРОДУЛИНЫХ: Так вы теперь сменяетесь на четырехкомнатную?

БОРОДУЛИН: Ни в коем случае! В новую квартиру пропишем сына, лет через десять парень женится и приведет жену сразу в собственный дом.

Занятая своими мыслями Нина не сразу узнает слышанные ею днем голоса.
Троллейбус останавливается. Бородулин командует:

— Выходим, выходим.

Нина оборачивается. Ее взгляд встречается с веселыми глазами жены Бородулина.

Узнав Нину, Бородулина бледнеет.

Бородулин с приятелями выходят. Бородулина, оглядываясь на Нину, спускается по ступенькам на тротуар. Женщины смотрят друг другу в глаза.

БОРОДУЛИНА: Ну что вы на меня так смотрите?..

Дверь троллейбуса закрывается. Бородулина кричит что-то еще, но ее уже не слышно.

Троллейбус трогается.

В глазах у Нины слезы.

Слышна сирена "скорой помощи". Кадры мчащейся "неотложки" сменяются, будто слайды в диапроекторе, ключевыми стоп-кадрами фильма: отец Нины, пригибающий руку Николая к столу; Нина, плачущая, с авоськой на коленях сидит на ступеньках лестницы; лица Бородулиных во время суда; Николай, заваривающий чай накануне вечером; Николай с ребенком; радостные лица Бородулиных в троллейбусе, и снова отец Нины, пригибающий руку Николая к столу..

Нина выходит из троллейбуса. Мы вновь видим первые кадры фильма: по улице идет женщина, на которую оглядываются прохожие. Теперь мы знаем, кто это, а видя, что Нина плачет, мы понимаем, почему она привлекает внимание.

Нина ускоряет шаг, она почти вбегает в маленький дворик-колодец. В центре двора несколько мальчишек гоняют мяч. Неточный удар — и мяч влетает в окно второго этажа. Мальчишек словно ветром выдувает на улицу. На звон разбитого стекла из нескольких окон высовываются соседи. Они с удивлением разглядывают вытирающую слезы женщину. Нина одна, совсем одна стоит посреди пустого двора и смотрит на разбитое окно. Видимо, в пострадавшей квартире никого нет. Вышедший на балкон из соседней квартиры пожилой мужчина улыбается

Нине и, кивнув на разбитое окно, произносит последнюю фразу фильма:

"Ничего, на счастье".

Нина улыбается.

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Юния САГИНА Трагическая актриса Одессы	161
Роман БРОДАВКО Годовский. Маэстро. Жрец фортепиано	168
Хождение за красотой	172
Владимир КРИШТОПЕНКО Из книги "Пустая страница"	178
Ольга БАРКОВСКАЯ Забытый художник Моисей Соломонович Бродский	180
Игорь МЯМЛИН Слово о забытом художнике	181
Александр ДОРОШЕНКО Бруно Шульц. Свидетель первых дней, или Идущий в Ночи	189
Елена КОЛТУНОВА Презренная или несчастная	211
